

Марина Серова

Аромат
МЕСТИ

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С32

Разработка серийного оформления — *К. Гусарев*

Серова, Марина Сергеевна.

С32   Аромат мести / Марина Серова. — Москва :
Эксмо, 2018. — 224 с. — (Пикантный детектив).

ISBN 978-5-04-098495-4

Частный детектив Татьяна Иванова убеждена, что чудовишные преступления маньяка, терроризирующего город, лишь следствие психической травмы, полученной в детстве. Теперь мальчишка вырос и стал жестоким убийцей. Одна за другой гибнут молодые женщины. Что объединяет серию этих загадочных убийств? Внешность жертв или сходство мест, где произошла трагедия? Шаг за шагом продвигается Татьяна к роковой развязке...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Серова М.С., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-098495-4

Глава 1

Июльский джаз

Я попала на этот концерт случайно. Просто прогуливалась по парку, затем вышла к филармонии и, увидев афишу гастролирующей джаз-группы, купила билет.

Прошлая неделя вымотала меня до предела, поэтому на этот вечер был запланирован отдых во всех его проявлениях.

Побывав в нескольких закуточных и кафе, перепробовав гамбургеров, пицц, жареных цыплят и пирожных, я, оказавшись в филармонии, прежде всего стала интересоваться буфетом, а уж потом всем остальным.

Буфет был. Прохладное шампанское расслабило меня окончательно. Слушать в таком состоянии джаз — что может быть лучше? Вот если бы еще спинки кресел откидывались. Тогда можно было бы из одного кайфа попасть прямо в другой, то есть уснуть часов эдак на несколько.

Но раскладные кровати администрацией филармонии предусмотрены не были, поэтому я, потихоньку икая от выпитого шампанского, изо всех сил старалась не заснуть и хотя бы дождаться начала концерта.

Была середина июля. Мертвое время для города. Все расплзлись по дачам или заграницам. Я бы тоже куда-нибудь улетела, если бы не предыдущее дело. Но это уже в прошлом. Теперь надо зализать раны, отдохнуть, а там — время покажет.

Так вот, в середине июля рассчитывать на полные залы не приходится. Может, оно и к лучшему: нет очереди в буфет.

Парочка, сидящая справа от меня, похоже, тоже меньше всего интересовалась джазом. Они сидели, взявшись за руки, и чувствовали только друг друга. Девушка была лет восемнадцати, в прозрачном коротком платье, со светлой косой, перекинутой через плечо. Щеки ее горели, а грудь вздымалась. «Любовь», — подумала я и закрыла глаза. Меня клонило в сон.

Парень чуть повзрослее, но какой-то нежный, во всем светлом, видно, из отличников и благородных. Только таким вот место в филармонии.

Когда на сцену вышли раскрепощенные музыканты и стали изгаляться над какой-то роскошной — явно украденной ими — темой, я впала в транс. Мне было хорошо.

Очнулась я, когда объявили антракт. Зрители высыпали в фойе, где в течение десяти минут должны были смести всю фанту и кремовые пирожные. Это у них ритуал такой.

На втором отделении от парочки справа осталась только половина: девушки не было. А парень чуть себе шею не свернул, высматривая ее в проходе. Но погас свет — девушка не пришла.

— Что-нибудь случилось? — спросила я, уж больно растерянным выглядел мой сосед.

— Даня куда-то пропала. Девушка, с которой я только что был.

— Вы поссорились?

— Да нет же, выпили по фанте, она сказала, что сейчас придет, а сама исчезла...

— Характер сложный?

— Характер нормальный. Она не способна на такие фортели.

И он ушел.

Во мне проснулся охотничий инстинкт. Кроме того, меня замучила икота. Она так неприлично давала о себе знать, что мне тоже пришлось покинуть зал. Музыкант в клетчатом пиджаке, выколачивающий очередную порцию вариаций из готового рассыпаться на части рояля, как мне показалось, со злостью посмотрел мне в спину. Ну и пусть. Джаз — это прежде всего свобода. А для меня это оказалось свободой перемещения в пространстве.

Я спустилась в полуподвальное помещение, где располагались гардероб и туалеты. Хотела взяться за ручку двери дамской комнаты, как дверь сама открылась, и мне навстречу, чуть не сбив меня с ног, вылетел какой-то мужчина. Я была отброшена в сторону и, потеряв равновесие, даже упала на пол. Быстро поднялась, чтобы двинуть этому нахалу, но его уже не было. Почему-то запахло яблоками.

И только секундой позже, потирая ушибленный локоть, я задала себе вопрос: а что, собственно, делал этот мужик в женском туалете?

...Я вышла оттуда через четверть часа. Мне не требовалось смотреть на себя в зеркало, поскольку я и так знала, что лицо мое блее мела. В сумочке моей лежало нечто, завернутое в целлофановый пакет.

Глава 2

Действующие лица

Я не была уверена, что он придет. Некоторые на его месте просто дернули бы из города и воспринимали случившееся как страшный сон. Действительно, кто она ему — просто знакомая, девушка, с которой он пару раз, быть может, поцеловался в подъезде или на дискотеке. Безусловно, красивая. У нее светлая коса и, кажется, голубые глаза. Нежная, хрупкая...

Если первый раз я увидела ее в зале филармонии, то последний — в женском туалете, прямо посередине его, лежащей с перерезанным горлом. Ее прозрачное, цвета майских голубых ирисов платье было искромсано и напиталось кровью.

Костя, так звали парня, который привел Даню Неустроеву на концерт, долгое время находился в шоке. Было тихо, и лишь ленивая до безобразия мелодия, выводимая саксофоном наверху, напоминала о том, что мы находимся в филармонии, а не на бойне или в морге.

Звук капающей воды, белый кафель, труп...

— Слушай, мой тебе совет. Возьми себя в руки, дождись милиции, а потом приезжай ко мне. Меня зовут Татьяна Иванова, можно просто — Таня. Я — частный детектив. Держи, — я протянула ему филармонический билет с нацарапанным на нем адресом и телефоном. — Словом, делай так, как считаешь нужным.

Я оставила его стоящим в коридоре с моим билетом в руках. Он был в шоке. Это несомненно.

А поздно вечером раздался телефонный звонок. Он проверял, дома ли я. А потом приехал.

Выглядел он неважно. Осунулся, вместо румянца на щеках был какой-то сероватый налет. Огромные черные глаза смотрели так, словно видели перед собой мертвую Даню. Они были широко раскрыты.

Я усадила его в кресло и налила коньяку. Меня-то он застал в расхристанном состоянии. В пижаме и халате, на котором еще оставались крошки орехового печенья. Я готовилась ко сну. Хотя мой мозг оставался в рабочем состоянии. И недоумении. Ведь я, по сути, столкнулась лоб в лоб с убийцей, но совершенно не запомнила его.

— А почему ты называл ее Даней, какое у нее полное имя?

— Даша. Дарья.

Он выпил, я протянула ему дольку лимона в сахаре.

— Только не думай, что тот, кто это сделал, думал о Дане. Скорее всего это маньяк, и ему до лампочки — Даня это или Маша. Если бы убийца хотел убить именно твою Даню, ему понадобилось бы нанести ей всего один удар ножом. Но он, похоже, мясник. Это больной человек. Такие обычно «настроены» на определенный тип женщин. Возраст, цвет волос, телосложение. Я говорю, исходя из своего опыта. Возможно, что этот отбирает женщин или девушек по другим принципам. А вот по каким, надо выяснить.

Я перевела дух и посмотрела на молчаливого гостя. Он, казалось, был совершенно равнодушен к происходящему.

— Алло, Костя, ты меня слышишь?

— Я отлично слышу и вижу. И готов сделать все для того, чтобы отыскать этого ублюдка. Я задушу его вот этими руками.

— Для того чтобы это сделать, — отозвалась я, наливая себе чаю, — его прежде надо поймать. А как?

— Вы же детектив. Мне один приятель как-то рассказывал про Таню Иванову. Там было сложное дело, убили друга его отца...

— В Пицунде? — вспомнила я.

— Ну да. Значит, это вы! Короче. У меня риелторская фирма «Дрофа». Так вот, хотите — деньгами, хотите — можете получить квартирой. Мы все оформим документально. Я люблю порядок во всем. Стараюсь никого не обманывать.

Я подождала, пока он кончит лить воду, покивала для приличия головой. Договорились о квартире. Но я потребовала аванс. Без аванса работают только альтруисты. Я же всегда была полной противоположностью представителей этого редкого племени.

— А теперь к делу. Вот вам блокнот, запишите сюда все, что вы знаете о Дане. — Я незаметно для себя перешла на «вы», но тут же поправилась: — Напиши имена и фамилии ее близких, друзей, где учится, работает, адрес...

Он повертел блокнот в руках и посмотрел на меня с виноватым видом.

— Но я почти ничего о ней не знаю. Мы знакомы всего неделю. Встречались всегда у памятника Чернышевскому. Знаю только, что жила она где-то на Стрелке с родителями. Училась, вернее поступала в консерваторию, на арфу.

Я даже присвистнула от удивления. Арфистка. Редкая специальность.

Он оставил мне сумму, вполне достаточную для того, чтобы я просто сдвинулась с места, записал свои координаты и ушел.

«Всю ночь будет плакать», — подумалось мне тогда.

А наутро я отправилась в филармонию. Предъявляя свой документ, я еще до приезда представителей закона принялась потрошить всех, кто находился там в этот час, на предмет адресов кассирш и билетеров. Мне необходимо было узнать, кто и каким образом покупал билеты в филармонию, не показался ли им странным кто-нибудь из входивших или покупавших билеты. Кроме того, меня интересовала сеть распространителей билетов. Кто эти люди, и по какому принципу они работают.

Об убийце я знала следующее: он высок и силен (в чем я смогла убедиться, можно сказать, физически, когда он отшвырнул меня на пол), от него почему-то пахнет яблоками, он психически нездоров, у него есть нож, он любит убивать.

Не густо.

Я пыталась связать его выбор места убийства с музыкой, но у меня ничего не получалось. Хотя отказываться от этой версии было пока рано.

В одиннадцать утра я была на другом конце города и звонила в дверь билетерши.

Мне открыла серая невзрачная женщина в домашнем халате. Сожженные химией волосы торчали в разные стороны. Желтые водянистые глаза смотрели с недоверием.

— Частный детектив? А что случилось? Что-нибудь с Кириллом?

— А кто у нас будет Кирилл? — спросила я, следуя за хозяйкой в кухню.

— Это мой внук. Он что-нибудь натворил?

— Вполне вероятно. Но я надеюсь, что пришла все же не по его душу. Вы вчера во сколько ушли с работы?

— Знаете, рано... — она заметно покраснела. Она была из тех вымуштрованных совдепией людей, которые старались находиться на работе от звонка до звонка и не представляли себе жизни вне заведенного порядка. — Понимаете, зрителей мало, я проверила билеты, послушала немного концерт, джаз я не люблю, мне больше нравятся романсы...

— Ну и?..

— Ну и пошла домой, — сдалась она. — Там оставалась еще Валентина Ивановна, наш администратор. Она, кстати, была не против моего ухода.

— У вас хорошая память?

— Нормальная. А что случилось?

— Сразу после антракта в женском туалете была зверски убита девушка. Убийца, разумеется, находился какое-то время в филармонии. Вот я бы хотела узнать у вас, не заметили ли вы среди зрителей высокого мужчину, одинокого, с лицом... как бы это вам сказать... Словом, такие люди, как правило, практически не ходят ни в филармонии, ни в музеи...

— Я поняла, вы имеете в виду, не видела ли я человека, похожего на преступника? — билетерша прониклась задачей и теперь изо всех сил старалась помочь мне. — Видела. Я видела двух... нет, трех мужчин, которые были без женщин. Знаете, я человек наблюдательный, мне всегда интересно определить, кто что из себя представляет. Супружеские пары я вижу невооруженным глазом. Одиноких, случайно познакомившихся людей я тоже чувствую. У них взгляды особенные. Они словно присматриваются друг к другу, чуть ли не принимают, а мужчины в таком положении очень сильно экономят в буфете. Боятся лишнее потратить, человека-то еще не знают...

— Значит, вы иногда остаетесь и до антракта?

— Иногда. Особенно когда Зоя, это наша буфетчица, приносит из ресторана мои любимые пирожные, эклеры. Вот я один ем прямо там, на работе, а еще два или три несу домой. Себе и Кириллу. Он их просто обожает...

— Ну и кто же были эти одинокие?

— Это наши постоянные посетители. Холостяки. Один, ему шестьдесят...

— Другой?

— Лет двадцать с небольшим. У него проблема, — она на какое-то мгновение превратилась в типичный образчик ханжи, даже губы надула, сложила руки на животе, и что-то непримиримое появилось в выражении ее лица, — он партнеров себе ищет. Мужчин. Вы понимаете меня?

— Понимаю. Судьба у них такая. А еще кто?

— Храмов. Я его знаю. Бывший режиссер. У него жена в прошлом году умерла. Вот он от тоски и скуки ходит к нам. Мы его без билета пускаем. Наталия Петровна его тоже уважает...

Наталия Петровна — я уже была осведомлена — была второй билетершей. Они работали по очереди. Но иногда, когда Наталии Петровне было скучно сидеть дома, она приходила не в свою смену и помогала Клавдии Михайловне (у которой я сейчас сидела) в гардеробе или даже в буфете. Это был свой мирок со своими простенькими радостями и привычками.